

А. С. КАН

**ШВЕЦИЯ 1809—1810 ГОДОВ.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ
ИЛИ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!**

Изучению буржуазных и буржуазно-демократических революций марксистско-ленинская историография всегда уделяла пристальное внимание. Конкретное исследование крупнейших буржуазных революций Запада и Востока увенчалось рядом фундаментальных монографий и коллективных трудов, имевших важное теоретическое значение. Опираясь на идейное наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, советские историки в послевоенные годы приступили к разработке типологии буржуазных революций. Их особенно интересовали революции буржуазно-демократические, а также те буржуазные революции, на ход которых народные массы оказали заметное влияние. Революции же верхушечные, совершенные чаще всего передовым дворянством, т. е. офицерами, чиновниками, обуржуазившимися помещиками, изучены в нашей научной литературе еще недостаточно.

На русском языке опубликовано много работ по истории Швеции¹, но проблемы перехода от феодализма к капитализму затрагиваются в них преимущественно в историко-экономическом плане. В частности, о внутришведских событиях 1809—1810 гг. можно получить либо крайне устарелые и консервативно-тенденциозные², либо самые общие сведения³. Для шведской же историографии нового времени эта тема является центральной и наиболее дискуссионной⁴. Шведская либерально-оппозиционная публицистика 30—40-х годов XIX в. рассматривала переворот 1809 г. как революцию того же типа, что и революции Запада, и сожалела лишь о его половинчатости, незавершенности. Напротив, так называемая шведская историческая школа 20—30-х годов XIX в., подчеркивала исключительность шведской «консервативной революции» 1809 г., присущее ей национально-охранительное начало, монархический принцип как ведущих в конституции 1809 г. На поводу у шведской консервативной историографии пошли и русские реакционные историки права Берендтс и Дымша. В эпоху империализма шведские консервативные исследователи склонны были даже считать свержение самодержавия в 1809 г. антипатриотическим актом. Либеральные же и вообще левонастроенные историки первой половины XX в. показали международные идейные истоки конституционных принципов 1809 г., борьбу партий и группировок по спор-

¹ См. П. К. Колямаков. Библиография по истории, экономике и культуре Швеции (1946—1967). — «Скандинавский сборник», т. XV. Таллин, 1970, стр. 311—337.

² Э. Берендтс. Государственное хозяйство Швеции, ч. I—II. Ярославль, 1890—1894; Л. Дымша. Государственное право Швеции, т. I. СПб., 1901.

³ И. Андерссон. История Швеции. Перевод со шведского. М., 1951; А. Кан. История скандинавских стран. М., 1971.

⁴ «Kring 1809». Stockholm, 1965, s. 7.

ным социально-экономическим и политическим вопросам. Только в 50—60-е годы XX в. было начато углубленное изучение демократических течений и народных выступлений в ходе революции⁵.

Прежде чем анализировать непосредственные причины шведской буржуазной революции, следует вкратце сказать о том, что представляла собой Швеция к началу XIX в. Хозяйство страны имело отчетливо выраженную многоукладность не только в элементарном смысле наличия нескольких укладов — феодального, мелкотоварного и капиталистического, — но и в примерном их равновесии. Мануфактурный капитализм давно уже не был новостью для Швеции; феодальные отношения с их обеими разновидностями — государственной (податной) и частной (помещичьей) — из господствующей формации успели превратиться в сосуществующий с прочими уклад. К началу XIX в. около половины обрабатываемых земель Швеции (без шведской Финляндии, где удельный вес крестьянской земли был еще выше) уже принадлежало крестьянам, которые в течение 1700—1815 гг. выкупили свыше трех четвертей коронной земли⁶. Само крестьянское владение приобрело характер почти неограниченной частной собственности, и крестьяне-собственники одновременно получили право неограниченного найма работников (по так называемым крестьянским привилегиям 1789 г.). В 1789 г. государственные поземельные подати были раз и навсегда фиксированы и с падением стоимости денег и ростом сельскохозяйственного производства в XIX в. превратились в пережиток феодализма⁷. Податные льготы для так называемых фрельзовых земель (в основном еще принадлежавших дворянам) были в 1789 г. уменьшены. С конца XVIII в. в Швеции все шире разворачивалась буржуазная аграрная реформа — ликвидация чересполосицы и выделение отрубов, — проводимая в интересах прежде всего самих помещиков — дворян и недворян. Она изнутри подрывала феодальные производственные отношения.

Далеко зашедшее разложение феодализма в его главной — аграрной — сфере облегчало задачи буржуазной революции XIX в. в Швеции, а типологически отделяло ее от Великой французской и других революций начала XIX в. и сближало с революциями 1830—1848 гг. Вместе с тем помещичье землевладение на крайнем юге (Сконе) и на востоке страны (Сёдермандланд, Эстерьётланд, Упланд) оставалось незыблемым и медленно эволюционировало по прусско-юнкерскому пути. Положение помещичьих крестьян-держателей было крайне тяжелым: они несли барщину и прав на арендуемые земли не имели⁸. Феодальная знать охотно и искусно дополняла свои рентные поступления и казенное жалованье доходами от торгово-промышленных операций.

В Швеции капиталистический уклад на рубеже XVIII—XIX вв. был уже вполне зрелым. Широкое развитие получили горнометаллургическая промышленность (с немалым весом на внешнем рынке), использовавшая почти исключительно вольнонаемных рабочих; мануфактурная обрабатывающая промышленность в городах и сельской местности — и централизованная и рассеянная, — работавшая на местном сельскохозяйствен-

⁵ J. W i b l i n g. *Opinioner och stämningar i Sverige 1809—1810*. Uppsala, 1954; C. A. H e s s l e r. *Regeringsformen och den utländska doktrinen. Debatten kring en klassisk fråga*.—«Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3; R. K a r l b o m. *Bakgrunden till 1809 års regeringsform*. Göteborg, 1964; R. H e d m a n. *Massan vid det s. k. fersenska upploppet*.—«Historisk tidskrift», Stockholm, 1969, № 1.

⁶ S. C a r l s s o n. *Bonden i svensk historia*, d. III. Stockholm, 1956, s. 193; E. F. H e c k s c h e r. *Ett kapitel ur den svenska jordbesittningens historia*.—«Ekonomisk tidskrift». 1944, № 2, s. 121.

⁷ E. I n g e r s. *Bonden i svensk historia*, d. II. Stockholm, 1948, s. 387—392; F. D o v r i n g. *Agrarhistorien*. Stockholm, 1966, s. 88—90; G. H a f s t r ö m. *Den svenska fastighetsträttens historia*. Lund, 1967, s. 3, 63, 186.

⁸ G. U t t e r s t r ö m. *Jordbrukets arbetare*, d. I. Stockholm, 1957, s. 17; O. B j u r l i n g. *The Barons Revolution*.—«Economy and History», vol. II. Lund, 1959, p. 19.

ном и лесном сырье (в отличие от силезских шведские крестьяне-надомники не подвергались тяжкому феодальному гнету)⁹.

Маленькая — с населением менее 2,5 млн. человек — Швеция по крайней мере с XVII в. была крупным поставщиком промышленного сырья различным странам Европы. До начала наполеоновской континентальной блокады промышленное сырье и полуфабрикаты неизменно составляли около 90% стоимости шведского экспорта. Главной его статьей до 1806 г. оставалось железо. На важнейшем европейском рынке сбыта того времени — британском — Швеция лишь постепенно уступала первое место России¹⁰. В 1751—1801 гг. физический объем ежегодного вывоза товарного железа и стали вырос на 28%, смолы и дегтя — на 57%, досок — на 150%¹¹.

К концу XVIII в. 10% шведского населения уже было городским. Деревенское население переживало бурный процесс имущественного и социального расслоения, пролетаризации. В начале XIX в. сельскохозяйственный пролетариат и полупролетариат (мелкие арендаторы за отработки, батраки с участком земли и без него, поселенные солдаты) составляли уже более четверти, а вместе с рабочими рудников и мануфактур, с матросами, подмастерьями, торговыми и домашними служащими — более трети населения страны¹². Бедственное положение сельской бедноты, малоземелье и низкий уровень жизни крестьянства, незначительный торговый оборот в городах бросались в глаза посещавшим Швецию иностранцам.

При всем внешнем отставании Швеции там уже вполне сложился класс торгово-мануфактурной, судовладельческой, горнопромышленной буржуазии, к которой примыкали и дворяне-заводчики, и землевладельцы-разночинцы. Возникновение шведского «среднего класса» исследователь С. Карлссон относит именно ко второй половине XVIII в.¹³ В шведской промышленности и торговле теперь господствовал национальный, в основном купеческий, капитал в лице крупных торговых домов Стокгольма и Гётеборга¹⁴. Благодаря быстрому росту внутришведских рыночных связей, характерному для второй половины XVIII в., в деревнях и городах Швеции богатели мелкие товаропроизводители, эксплуатировавшие наемных работников.

Примерному равновесию хозяйственных укладов, характерному для переходного периода, соответствовало и равновесие имущих классов, опосредствованное архаическим феодально-сословным делением шведского общества. Утратив господствующее положение в хозяйстве, дворянство продолжало сохранять его в сфере государственной службы. К 1800 г. дворяне, составлявшие менее полпроцента населения страны, все еще занимали около половины должностей в гражданской администрации и две трети офицерских, включая все высшие посты¹⁵. Дворянский род, введенный в состав шведского рыцарского дома, имел право на место в риксдаге, где дворянское сословие было самым многочисленным и влиятельным.

Однако сословные привилегии дворянства, особенно после их ограничения в 1789 г., не могли помешать его имущественному и социальному

⁹ Ср. А. С. К а н. Обзор новых книг по истории рабочих города и деревни в Швеции до промышленного переворота. — «Новая и новейшая история», 1960, № 3.

¹⁰ Е. F. H e c k s c h e r. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa, d. 2. Stockholm, 1949. Tabellbilaga, tab. 29, 16.

¹¹ S. H ö g b e r g. Utrikeshandel och sjöfart på 1700-talet. Stockholm, 1969, s. 12, 21, 238—239.

¹² G. U t t e r s t r ö m. Op. cit., d. I, s. 42; K. S a m u e l s s o n. Från stormakt till välfärdsstat. Stockholm, 1969, s. 151.

¹³ S. C a r l s s o n. Bonde-präst-ämbetsman. Svensk ståndscirkulation. Stockholm, 1962, s. 62.

¹⁴ K. S a m u e l s s o n. De stora köpmanshusen i Stockholm, 1730—1815. Stockholm, 1951.

¹⁵ S. C a r l s s o n. Svensk historia, d. 2. Stockholm, 1969, s. 56.

размежеванию. Дворянское сословие было очень пестрым. Большинство его, как показывает парламентская статистика 1809 г., составляли офицеры, чиновники, судьи, лица свободных профессий. Лишь около одной десятой депутатов-дворян занимали высшие государственные должности. Земельную или горнозаводскую собственность имела лишь пятая часть депутатов этого сословия¹⁶. Между тем в риксдаге были представлены далеко не все дворянские роды, особенно мелкие. Иначе говоря, значительная часть дворянских семей на рубеже XVIII—XIX вв. принадлежала к средним слоям общества. Отсюда понятен и острый антагонизм внутри дворянской палаты риксдага между титулованной знатью и рядовыми членами сословия, и куда более четкая, сравнительно с остальными сословиями, партийно-политическая дифференциация внутри нее. Вместе с тем в начале XIX в. вражда недворян к дворянам, особенно к аристократии, оставалась наиболее острым классовым противоречием шведского общества. События 1809—1810 гг. это вновь подтвердили.

Дворянство было самым привилегированным сословием Швеции XVIII в., но не единственным: в 1789 г. сословные привилегии получили даже крестьяне-собственники; но эти привилегии лишь частично уравнивали их с другими сословиями. Что касается лютеранского духовенства, то оно представляло собой иерархию чиновников, основная часть которых имела в пользовании государственную усадьбу, где вела по существу кулацкое хозяйство, применяя наемную рабочую силу. Сословие горожан охватывало лишь узкую верхушку городского населения страны (в столице она составляла 3—4% ее жителей) — купцов, ремесленных мастеров и чиновников городских магистратов¹⁷. Бюргерство дорожило своим преимущественным правом на торгово-промышленную деятельность и ревниво отстаивало устои корпоративно-цехового строя, уже подтачиваемые экономической политикой просвещенного абсолютизма.

Характерной чертой шведского общества на рубеже XVIII—XIX вв. было наличие быстро растущего и многочисленного слоя имущих разночинцев, стоявшего вне сословий и обычно именуемого особым термином «джентльмены-недворяне»¹⁸. Его ядро составляли землевладельцы-недворяне и горнопромышленники. Социальному возвышению богатых разночинцев разительно противоречило отсутствие у них политических прав. Этих прав тем более не имели массы городской и сельской бедноты. В крупнейшем городе страны — Стокгольме — беднота составляла в 1810 г. две трети населения.

Таким образом, шведское общество имело уже наряду с сословной и буржуазную классовую структуру. Богатая верхушка бюргерства была тесно связана с казной и королевским двором и часто возводилась в дворянское звание. Известная консолидация имущих верхов страны еще до революции отразилась в социальной терминологии: состоятельные из всех сословий именовались «джентльмены», верхушка крестьянства получила название «крестьяне-господа», а верхи дворянства и бюрократии имели собирательное прозвище «аристократов»¹⁹.

Пестрый социальный базис переходной эпохи допускал и широкую амплитуду государственных форм. На протяжении XVIII в. Швеция — единственная в Европе страна — успела пережить классический позднефеодальный абсолютизм Карла XI и Карла XII; дворянский сословно-парламентский строй так называемой «эры свобод», буржуазно-конституционная эволюция которой была оборвана контрреволюционным пере-

¹⁶ «Studier över svenska riksdagens sociala sammansättning». Uppsala — Stockholm, 1936, s. 50—60.

¹⁷ R. H e d m a n. Op. cit., s. 6—8.

¹⁸ S. C a r l s s o n. Ståndssamhälle och ståndspersoner 1700—1865. Stockholm, 1949, s. 109, 143. Термин «джентльмены-недворяне» по-шведски — «ofrälse ståndspersoner».

¹⁹ «Kring 1809», s. 174—175.

воротом Густава III в 1772 г.; и, наконец, прикрытый и смягченный октроированными конституционными актами густавианский абсолютизм, с которым и покончила революция 1809 г. Частыми государственными переворотами (с их важными социально-политическими последствиями) Швеция XVIII в. могла сравниться лишь с Испанией XIX в. События 1680, 1719—1720, 1772, 1789 гг. и тем более 1809 г. отнюдь не были простой сменой правящих клик, в отличие от «эпохи дворцовых переворотов» в послепетровской России.

Социально-экономическое «наступление» верхушки податных сословий, поощряемое реформами просвещенного абсолютизма Густава III, развивалось в последние десятилетия XVIII в. столь успешно, что этому королю удалось укрепить самодержавие в 1789 г. лишь ценой существенного ограничения дворянских привилегий и расширения прав податных сословий, включая крестьян-собственников. «Второе издание» шведского абсолютизма было конституционно оформлено так называемым Актом единения и безопасности 1789 г., дополнившим конституцию 1772 г.²⁰ Сословный парламент, созываемый по усмотрению монарха, собирался все реже (в царствование Густава IV Адольфа (1792—1809)—лишь однажды, в 1800 г.). Социальной опорой самодержавия были вновь пожалованное крупнопоместное дворянство и бюрократия, в высших своих звеньях состоявшая также из дворян. Но отношение дворянства к самодержавию отнюдь не было однозначным. В Швеции, наряду с Англией, Венгрией, Польшей, существовала давняя традиция дворянского аристократического конституционализма, и шведское самодержавие вплоть до событий Великой французской революции имело противников в лице старой земельной знати. В 90-е годы XVIII в., однако, сложилась уже дворянская оппозиция самодержавию иного, нового толка, исходившая из более демократических, обуржуазившихся кругов дворянства. Как показывают новые исследования, Густав III пал в 1792 г. жертвой заговора, объединившего на время обе оппозиционные группировки²¹. Новая дворянская оппозиция, до 1800 г. выступавшая сравнительно легально в печати и на собраниях (так называемая упсальская хунта), открыто сочувствовала Французской буржуазной революции, вдохновлялась ее декларациями и конституциями 1789, 1791, 1795 гг. Сильны были и англофильские настроения оппозиции: преклонение перед британским государственным строем, каким его изображали умеренные философы-просветители, перед «славной революцией» 1688—1689 гг., Биллем о правах и пр. Политические доктрины шведских дворян-«якобинцев» были крайне эклектичны. Их авторитетами являлись и теоретики конституционной монархии Монтескье, Делольм, Блекстон, и поборник народного суверенитета республиканец Руссо²².

После продовольственных волнений 1799—1800 гг. и неудачного выступления дворянской оппозиции в риксдаге 1800 г. по финансовому вопросу были запрещены печатные и другие публичные выступления оппозиционеров. Наступили «железные годы» правления Густава IV. Одновременная приостановка возведения в дворянское звание усилила межсословную вражду среди чиновников — ближайшей опоры режима²³. Однако оппозиционеры не подвергались репрессиям, да и сама по себе их вражда с правительством вряд ли была чревата революционным взрывом. С одной стороны, «устрашающий» опыт Франции и недавних шведских волнений надолго отучил имущие классы развязывать народную стихию,

²⁰ «Хрестоматия по новой истории», ч. I. М., 1963, стр. 342—343.

²¹ A. L a r s s o n. Sammansvärjningen mot Gustav III. Uppsala, 1959; R. K a r l b o m. Bakgrunden..., s. 80.

²² R. K a r l b o m. Bakgrunden...; А. Г. Мысливченко. Философская мысль в Швеции. М., 1972, стр. 78—79.

²³ A. F o r s s e l l. Ståndsstriden inom centralförvaltningen och statsrådets organisation enligt års 1809 RF.—«Historisk tidskrift», Stockholm, 1911, № 2.

с другой — политическая реакция начала XIX в. сочеталась с расширением буржуазных аграрных реформ, проводимых в интересах помещиков и зажиточных крестьян, смягчением уголовного и гражданского законодательства. Позже, в середине XIX в., даже либеральные историки — панегиристы революции 1809 г. — отдавали должное низложенному королю за его аграрные мероприятия²⁴. Наконец, и сам Густав IV, добропорядочный семьянин, набожный, трудолюбивый и не лишенный твердости человек, вполне подходил для роли самодержца в мелкобуржуазной стране, где устои феодализма были уже бесповоротно подорваны.

В Швеции, как и в других странах Северной Европы, не столько внутренне, сколько прежде всего международные события оказались непосредственным толчком к буржуазной революции²⁵. Вступив в третью, а затем в четвертую коалиции, Густав IV и после Тильзита остался непримиримым врагом Бонапарта, а между тем популярность Наполеона в имущих слоях шведского общества, особенно среди офицеров, росла по мере его побед. Королевское правительство проглядело растущую реальность войны со вторым, не менее грозным противником — Россией; третьим противником Швеции оказалось Датско-Норвежское королевство. Война подвергла страну тяжкому напряжению сил, привела в ходе военных действий к потере Померании и Финляндии, вторжению царских войск в пределы собственно Швеции²⁶.

Финляндская кампания 1808 г. обнаружила не только плохую подготовленность шведов к войне, но и низкий боевой дух части командного состава. Решения короля, направленные на продолжение борьбы, все менее ревностно, если не преднамеренно вяло, выполнялись ропщущими чиновниками, а это отрицательно сказывалось на боеспособности армии. В грозной обстановке надвигающейся катастрофы оживилась оппозиция и зародился заговор против короля. Заговор имел два главных центра, один в Стокгольме, где вокруг офицера, инвалида войны барона Я. Седерстрёма группировались молодые офицеры и отчасти чиновники — среди них видный оппозиционер и радикал 90-х годов Х. Ерта; другой в войсках, расквартированных в западношведской провинции Верmland, где заговорщиков позже возглавил властный подполковник Г. Адлерспарре, известный еще с 90-х годов оппозиционный публицист, ветеран русско-шведской войны 1788—1790 гг., побывавший в русском плену²⁷. В своих замыслах дворяне-заговорщики не шли дальше конституционной монархии. Ближайшей их целью было свержение короля, скорейший созыв риксдага, примирение с Францией, а затем при поддержке Наполеона заключение мира с Россией и Данией на приемлемых для Швеции условиях²⁸.

Очаги заговора были связаны между собой. Намеченное на февраль уличное нападение на короля в столице было отложено в последний момент. Первыми выступили заговорщики из западной армии. Начиная с 7 марта они стали стягивать свои воинские части в г. Карлстад. Предварительно Адлерспарре заручился условным обещанием датского командующего в Норвегии принца Кристиана Августа Аугустенбургского не

²⁴ R. Karlbohm. Hungerupplöpp och strejker 1793—1867. Lund, 1967, s. 39; C. A. Adlersparre. 1809 års revolution och dess män, d. 1. Stockholm, 1849, s. 25—26.

²⁵ Внешнеполитическая история Швеции в изучаемые годы была тесно связана с российской, имеет свою историографию на русском языке и стала гораздо ближе знакома советским историкам благодаря ценной публикации дипломатических документов в первой серии «Внешней политики России в XIX и начале XX века».

²⁶ Г. Захаров. Русско-шведская война 1808—1809 гг. М., 1940, стр. 64.

²⁷ Основные документы см. P. A. Granberg. Historisk tafla af f. d. konung Gustaf IV Adolfs sednaste regeringsår..., d. 1—3. Stockholm, 1810—1811, и особенно в издании самого Г. Адлерспарре. — «Handlingar rörande Sveriges äldre, nyare och nyaste historia», d. 3—9. Stockholm, 1830—1833; см. также «För hundra år sen. Skildringar och bref från revolutionsåren 1809—1810», d. 1—2. Stockholm, 1909—1910.

²⁸ Подробнее об этом см. S. Carlsson. Gustav IV Adolfs fall. Lund, 1944.

возобновлять боевые действия (военное перемирие уже было заключено раньше с согласия шведского короля). Часть оппозиционеров прочила этого, уже пожилого принца в наследники шведского престола после свержения Густава IV, имея в виду соединение Норвегии и Швеции под властью одной династии. В заранее составленном воззвании Адлерспарре объявлял своей целью заключение мира и созыв риксдага для решения вопроса о государственном устройстве страны. Некоторые историки усматривают в тексте воззвания подражание гаагской декларации Вильгельма Оранского, подавшей сигнал к «славной революции» 1688 г.²⁹ Заговорщики поддерживали солдаты и жители не только Карлстада, но и на всем пути к столице, куда Адлерспарре со своим корпусом двинулся 9 марта. Король, узнав о мятеже и опасаясь заговора в столице, 12 марта решил выехать в провинцию Сконе — вотчину крупных помещиков-аристократов. Но выполнить свое намерение ему не удалось.

К этому времени в скрытой оппозиции к королю находились уже многие из его ближайших советников. Опасаясь гражданской войны, они решили действовать. Их волю выполнил генерал-адъютант К. Ю. Адлеркрейц, консервативный и политически неискушенный финляндский дворянин, герой кампании 1808 г. Утром 13 марта он с шестью офицерами взял Густава IV под стражу в его покоях. Переворот оказался бескровным — Адлеркрейц был уверен в сочувствии офицеров столичного гарнизона и бездействии военного губернатора Стокгольма фельдмаршала М. Клингспура. Престарелый дядя короля безвольный герцог Карл согласился стать временным правителем. Еще до этого бюргерской милиции (ополчению) была поручена охрана Банка сословий и Ведомства государственного долга; разосланные патрули из бюргеров и регулярных кавалеристов-кирасиров должны были следить за порядком и предотвращать стихийные выступления. Герольды, которым поручили объявить о переменах, ехали по городу со страхом, боясь получить камень в голову. Однако все обошлось благополучно, местами даже раздавались возгласы «ура!». От былого роялизма столичного бюргерства мало что осталось, и, в особенности, крупное купечество целиком встало на сторону победителей³⁰. Масса населения в столице встретила переворот с явным облегчением, но без особого восторга³¹. Из трех элементов классической революционной ситуации пока отсутствовал важнейший — подъем активности масс.

В первые дни переворот выглядел как смена правящих группировок, да и то лишь частичная. В составе временного правительства наряду с инициаторами переворота оказались бывшие сторонники свергнутого короля, такие, как канцлер Ф. Эренхейм, риксмаршал граф А. Ферсен, фельдмаршал М. Клингспур³². Правительство поспешило отменить непопулярные военно-финансовые меры короля, созвало риксдаг на 1 мая и разослало своих представителей с мирными предложениями к воюющим державам. Как раз в середине марта передовые части генерала Багратиона высадились в 100 км от Стокгольма. В этот критический момент невольно важную услугу новому шведскому правительству оказал русский главнокомандующий генерал Кнорринг, отдавший приказ о выводе русских войск с собственно шведской территории.

Все еще весьма влиятельные и после свержения Густава IV придворные круги (так называемые густавианцы) добивались передачи престола малолетнему сыну арестованного короля, в чем нетрудно было убедить и представителя той же гольштейнской династии — бездетного герцога

²⁹ R. Karlbo m. Bakgrunden., s. 271.

³⁰ «För hundra år sen», d. 1, s. XII; B. B o ò t h i u s. Magistraten och borgerskapet i Stockholm 1719—1815. Stockholm, 1943, s. 527.

³¹ E. M. A r n d t. Schwedische Geschichten unter Gustav dem Dritten vorzüglich aber unter Gustav dem Vierten Adolf. Leipzig, 1839, S. 426—430.

³² S. C l a s o n. Sveriges historia till våra dagar, d. XI. Stockholm, 1923, s. 62.

Карла. Однако офицеры западной армии во главе с Адлерспарре отстаивали более широкую преобразовательную программу: уволить ближайших советников бывшего главы государства, пополнить правительство представителями всех сословий, немедленно низложить Густава IV и его потомков, провозгласить королем герцога Карла, а в наследники избрать датского или французского кандидата ³³.

Вопреки желанию герцога и Адлеркрейца, Адлерспарре 22 марта вступил в Стокгольм с поддерживавшими его частями, отныне ставшими главной военной опорой нового режима. Он был вскоре введен в правительство, на первых порах держался диктатором и мог, если бы захотел, провести важные социально-политические преобразования. Но Адлерспарре бездействовал из нежелания (как он сам позднее признавался) внести раскол в правящий лагерь перед лицом грозной внешней опасности, а также из страха развязать народную революцию ³⁴. Ближайшей целью его было укрепить центральную власть и сорвать реакционные династические планы густавианцев. 29 марта на совещании офицеров западной армии во главе с Адлерспарре решено было отложить избрание нового короля до созыва риксдага. Явные густавианцы, например канцлер Ф. Эренгейм, вышли из правительства. Передача вопроса об избрании короля на решение будущего риксдага и чистка временного правительства означали конец первого этапа революции, когда решался вопрос, останутся ли события 13 марта и последующих дней лишь дворцовым переворотом, простой сменой клик. Отныне шведский переворот стал принимать характер революции, хотя и верхушечной. Так ее расценили и в шведской провинции. Либерал граф А. Г. Мёрнер писал в эти дни, что крестьяне в области Нерке считают переворот «революцией господ» и настроены недоверчиво ³⁵. Жалобы либералов на консерватизм крестьянства звучали и позже, однако лишь до возникновения вопроса о пересмотре сословных привилегий. Примечательно, что современники в те дни неоднократно сравнивали шведский переворот с британской «славной революцией» конца XVII в. ³⁶

Правительство герцога Карла — Адлерспарре решило подготовить до созыва риксдага проект новой конституции, его было поручено разработать губернатору А. Хоконсону, вновь пожалованному дворянину из бывших крестьян. Стремясь учесть пожелания умеренных либералов-конституционалистов (судьи Г. Поппиуса и др.), Хоконсон пошел дальше, чем хотели твердолобые густавианцы, готовые пожертвовать лишь самодержавным Актом единения и безопасности 1789 г., чтобы сохранить полуабсолютистскую конституцию 1772 г. Хоконсоновский проект, т. е. правительственный, значительно расширял права риксдага, но делал это в весьма неясных выражениях и сопровождал прогрессивные положения серьезными оговорками ³⁷. Так, в проекте провозглашалось, что исконное право шведского народа самому устанавливать налоги осуществляется сословиями на сессии риксдага. Однако предлагаемая Хоконсоном процедура составления и принятия бюджета открывала королю большие возможности навязывать свою волю риксдагу и народу. Будущему риксдагу предстояло либо принять правительственный проект конституции в целом, либо, отвергнув его, сохранить старый самодержавный порядок ³⁸.

³³ Эту так называемую программу Тибле (по месту составления) от 21 марта см. в книге сына Г. Адлерспарре: C. A. Adlersparre. 1809 års revolution och dess män, d. II. Stockholm, 1849, s. 159—161. Там же опубликовано первое воззвание Г. Адлерспарре (ср. 13—16); O. Sjögren. Georg Adlersparre. Stockholm, 1881, s. 67—70.

³⁴ C. A. Adlersparre. Op. cit., d. II, s. 150.

³⁵ A. Brusewitz. Studier över 1809 års författningskris. Uppsala, 1917, s. 37—38.

³⁶ «Kring 1809», s. 145—148.

³⁷ Проект опубликован в «Historisk tidskrift», 1910, № 2, s. 129 etc.

³⁸ «Kring 1809», s. 19—20.

После временного восстановления с конца апреля свободы печати, на ее страницах развернулось бурное обсуждение назревших вопросов политики. Оппозиционные публицисты, молчавшие несколько лет, вновь овладели умами. Газеты, брошюры и рукописные пасквили обращались к широким читательским кругам³⁹. Быстро складывалось умеренно-либеральное общественное мнение (конституционалисты), представленное такими публицистами, как А. Г. Сильверстоппе, А. Г. Мёрнер, Г. Поппиус, формировалось и радикально-демократическое направление в публицистике, представленное К. А. Гревесмёленом, М. Хамбре, А. Нурделлем, П. Уксельбергом и др.⁴⁰ Либералы, более авторитетные в глазах правительства и классово близкие ему, оказывали на него давление слева, тогда как густавианцы во главе с графами Я. Делягарди и Э. Руутом («сконская партия») выступали с открыто реакционных позиций. Главной целью последних оставалось закрепление престола за династией Гольштейн-Готторпов (Ваза).

Сессия риксдага официально открылась 9 мая 1809 г. в тяжелых условиях продолжавшихся военных действий на русском фронте и дипломатических неудач Швеции: вопреки ожиданиям временного правительства Наполеон, занятый к тому же войной против Австрии, отверг всякое мирное посредничество между Швецией и Россией; царь Александр I медлил с признанием нового режима. На сессии точка зрения конституционалистов нашла горячий отклик у наиболее влиятельных сословий дворян и горожан. Душой конституционалистов среди дворян стал барон Я. Седерстрём. Уже на первых посословных обсуждениях 7—8 мая были отвергнуты и принцип подготовки конституции правительством, и само избрание нового короля до одобрения им конституции. Правительство потерпело явное поражение. 9 мая решено было поручить составление основного закона самим сословиям и поставить вопрос об избрании герцога Карла в короли только после утверждения им конституции. Об этом было объявлено 10 мая на пленарном заседании всех сословий, созванном в целях низложения Густава IV вместе с его потомством. Описанные события знаменовали собой окончательное превращение государственного переворота 13 марта в верхушечную буржуазную революцию. В сознании современников важность происходивших перемен была подтверждена торжественной церемонией благодарности сословий риксдага герцогу Карлу, генералу Адлеркрейцу, фельдмаршалу Клингспуру и подполковнику Адлерспарре. В ответном слове «героев» 1809 г. звучали разные ноты: один лишь Адлерспарре заявил, что он и его товарищи взяли за оружие, чтобы обеспечить созыв и беспрепятственную работу риксдага, из верности и доверия к нему⁴¹.

12—13 мая риксдаг избрал свой первый в истории страны конституционный комитет, состоявший из 15 человек и формально представлявший все сословия. В нем преобладали умеренные либералы, недавние оппозиционеры, по сословной принадлежности или происхождению дворяне. В состав комитета вошел, в частности, влиятельный публицист А. Г. Сильверстоппе, председателем его стал старейший член комитета барон Л. Маннергейм, в прошлом примыкавший к аристократической антигуставианской оппозиции 80-х годов. Душой же комитета был его секретарь Х. Ерта, не являвшийся членом комитета (в прошлом барон, демонстративно отказавшийся в 1800 г. от своего дворянского звания). С ним были тесно связаны три представителя бюргерства⁴². Адлерспарре в комитет не вошел.

³⁹ O. G a s s l a n d e r. *Opinioner och stämningar i Sverige 1809—1810*.—«Scandia», 1955—1956, № 1, s. 144; R. H e d m a n. *Svenska tidningar 1809—1812*.—«Historisk tidskrift», 1964, № 1, s. 300—309.

⁴⁰ J. W i b l i n g. *Op. cit.*; R. K a r l b o m. *Bakgrunden...*, s. 300—309.

⁴¹ «Handlingar rörande Sveriges äldre, nyare och nyaste historia», d. 3, s. 120—133.

⁴² См. статьи Н. Шернквиста, А. Брюсевица, Р. Карлбума в сборнике «Kring 1809».

В основу работы комитета, законченной всего за две недели, легли ранее отвергнутый проект Хоконсона, письменные критические отзывы на него, записки отдельных депутатов риксдага и памятная записка-проспект Ерты. На мнения членов комитета влияла и оппозиционная публицистика, в том числе и брошюра Сильверстолепе. Подготовка текста конституции свелась в основном к либеральной переработке хоконсоновского проекта, иначе говоря, к компромиссу между правительственным «центром» и либералами. Проект комитета отличался, в частности, более четким и емким определением финансовых прав риксдага и права его контроля за действиями властей⁴³. Сколько-нибудь радикальные предложения, грозившие расколом мнений на пленумах сословий, например все предложения о парламентской реформе, были отложены.

При всех своих слабостях, при сохранении феодально-сословных пережитков конституция 6 июня принципиально отличалась от всех предшествующих основных законов Швеции. Это старейшая после североамериканской конституция, которая, хотя и с принципиальными изменениями, формально действует и поныне. Несмотря на то, что и после 6 июня революционный процесс в Швеции продолжался, конституция осталась важнейшим достижением шведской буржуазной революции. Целесообразно поэтому остановиться подробнее на ее тексте, а также на так называемом «Почтительном мемориале» конституционного комитета.

Уже 2 июня проект конституции был представлен сословиям. «Почтительный мемориал» конституционного комитета, написанный 2 июня 1809 г., содержал принципиальное обоснование проекта. В первых абзацах мемориала видно влияние европейской политической мысли эпохи Просвещения и Великой французской буржуазной революции. Здесь встречаются выражения «права каждого частного гражданина», «гражданское строительство нации», «национальная воля», «древний, несломленный и непоколебимый национальный характер шведов». Опираясь на умеренно-просветительское учение о разделении властей, развивая его на шведском опыте, комитет указывал в качестве главных основ предлагаемой им конституции: «власть правящую, действующую в определенных границах, обладающую единством решений и полной мощью в средствах их исполнения; власть законодательную, благоразумно медлительную в своем действии, но твердую и сильную в сопротивлении; власть судебную, самостоятельную под сенью законов, но не самовластную в отношении их». Составители конституции, по их словам, стремились установить взаимный надзор, взаимное сдерживание этих властей, не смешивая их друг с другом⁴⁴.

Однако ценность и успех государственного устройства определялись не только соотношением конституционных властей и форм, но и, по мысли авторов конституции, «истинно гражданским духом», «ясно выраженной волей нации». Именно последняя, в отличие от предшествующих шведских «форм правления», была призвана лечь в основу только что проделанной работы комитета. Ссылаясь далее на пример «свободнейшего государства Европы», составители-англофилы заверяли депутатов в своем почтении к древним основам шведского государственного устройства, в несклонности к «большим и блестящим переменам»⁴⁵. Но это была в значительной мере словесная «усыпляющая» дань консерватизму. Формулируя вслед за тем основы «всеобщей силы нации» — силы, креп-

⁴³ M. Sandegren. Till historien om statshvälfningen i Sverige 1809. Göteborg, 1890, s. 84; A. Brusewitz. Studier över 1809 års författningskris. Uppsala, 1917. s. 68.

⁴⁴ Текст мемориала опубликован и в юбилейном выпуске «Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3, s. 276—284.

⁴⁵ О сильном влиянии английской буржуазной политической мысли и умеренно-просветительской архаизированной схемы британского конституционного строя на ведущих шведских конституционалистов 1809 г. см. G. Andrén. Några synpunkter på konstitutionsutskottets memorial Nr 1 med förslag till regeringsform. Den engelska linjen.—Statsvetenskaplig tidskrift, 1959, № 2—3.

ляющей ее древние учреждения, — составители конституции становились вровень с умеренно буржуазной политической мыслью своего времени ⁴⁶.

Безраздельно вручая управление государством королю, составители конституции вменяли ему, однако, в обязанность принимать решения не иначе как в государственном совете, члены которого отвечали честью, жизнью и благосостоянием за высказанные ими мнения ⁴⁷. Без подписи докладывающего чиновника приказы короля (за отдельными исключениями) не имели силы. Вместе с тем создатели конституции были далеки от парламентаризма британского толка, как он сложился в конце XVIII в. Государственный совет назначался не сословиями, а самим королем, и своих советников он выслушивал «не по долгу, а по доверию». Королю по-прежнему принадлежало право войны и мира, заключение союзов, назначение и смещение высших чиновников. Однако издавать, изменять, отменять, толковать законы и предоставлять сословиям привилегии король мог лишь совместно с риксдагом. При этом обе стороны получали право абсолютного вето. В руках короля сосредоточивалась крайне широкая сфера экономического законодательства; в этой сфере он был лишь обязан принимать во внимание замечания и пожелания сословий ⁴⁸. Авторы мемориала выражали уверенность, что правительство успешно согласует частные интересы в единой хозяйственной системе.

Комитет в принципе одобрял избирательную реформу, допуская в риксдаг внесословных землевладельцев и горнопромышленников, не принадлежавших ни к дворянам, ни к горожанам. Однако, ссылаясь на недостаток времени, комитет передавал этот вопрос на рассмотрение риксдага ⁴⁹. Прерогативой риксдага объявлялось право налогообложения. В заключение в мемориале отмечалась необходимость введения всеобщей воинской повинности, принятия отдельных актов о престолонаследии, о риксдаге, о свободе печати, об ответственности членов государственного совета. Эти вопросы большей частью были решены в ходе сессии риксдага 1809—1810 гг.

Перед нами, несомненно, памятник буржуазной конституционно-монархической мысли, по-своему не менее примечательный, чем хрестоматийные акты английской, американской и французской буржуазных революций.

Провозглашенные в мемориале принципы, в первую очередь строгий дуализм короля и парламента, последовательно проведены в тексте конституции. Главный предмет внимания составителей — права и обязанности короля, которым посвящены около 80 из 114 статей ⁵⁰. Новая конституция в противоположность октроированным основным законам Густава III (1772 и 1789 гг.) была направлена на ограничение власти короля. Явное же ограничение власти риксдага содержалось лишь в нескольких статьях.

Конституция окончательно упраздняла остатки так называемого риксрода — совета знати — многовековой составной части шведского государственного строя, — заменив его государственным советом из министров и советников без портфеля. Более трети статей не имела параллелей в предшествующих конституционных актах страны. В противоположность всем им конституция 1809 г. провозглашала принципиальное равноправие как дворян

⁴⁶ Ibid., s. 277—278.

⁴⁷ Ibid., s. 279.

⁴⁸ См. справедливые наблюдения по этому вопросу в кн.: Л. Дымша. Указ. соч., т. I, стр. 305—306.

⁴⁹ См. подробнее: A. Brusewitz. Representationsfrågan vid 1809—1810 års riksdag. Uppsala, 1913.

⁵⁰ Текст конституции см.: «Sveriges regeringsformer 1634—1809». Stockholm, 1891, s. 150. Издания на русском языке содержат позднейший текст, измененный многочисленными поправками. — «Конституции буржуазных государств Европы». М., 1957. Сжатая и точная характеристика основных положений конституции 1809 г. приводится в кн.: И. Андерссон. Указ. соч., стр. 311—312.

и педворян при назначении на должности, так и сословий (палат) риксдага между собой. Это особо оговаривалось в 10 статьях конституции (4, 10, 17, 22, 28, 69, 71, 97, 103, 106).

Среди передовых для своего времени положений конституции надо еще раз отметить проходящую красной нитью строгую ответственность советников короля за их рекомендации, тщательно протоколируемые (ст. 9). Докладчик, несогласный с решением короля, обязан отказать ему в своей подписи — контрассигнация (ст. 38). Контроль за деятельностью государственного совета был поручен конституционной комиссии (комитету) риксдага, которая вправе проверять его протоколы (ст. 105). Риксдаг и его комиссии вправе были также просить короля об увольнении им того или иного советника (ст. 107). Против королевского произвола была направлена ст. 36 о несменяемости судей и большинства чиновников иначе, как по суду и следствию: даже перевод по службе разрешался только по их прошению.

По конституции риксдаг созывался лишь один раз в пять лет, но сам назначал дату очередной сессии (ст. 49). Риксдаг и его комиссии (кроме совещательной тайной комиссии) должны были обсуждать и принимать решения в отсутствие короля (ст. 55). Риксдагу принадлежало исключительное право на введение налогов, король и правительство были подотчетны ему в финансовом отношении; риксдаг определял и раскладку собираемых налогов, и общий порядок расходования вотированных ассигнований (ст. 57, 58, 62 и 70). В подчинении риксдага оставались Банк сословий с вытекающим отсюда правом эмиссии банкнот и Ведомство государственного долга (ст. 72, 66).

Юстиц-уполномоченный риксдага надзирал за судьями и чиновниками, в случае противозаконных действий привлекая их к особому суду. Он имел право присутствовать на заседаниях различных судебных и административных учреждений и знакомиться с их протоколами и прочими делами (ст. 99). Депутаты риксдага могли быть привлечены к ответственности за свои действия и выступления в риксдаге (ст. 110) не иначе, как по решению квалифицированного большинства их сословия (пять шестых голосующих). Особо карались злоупотребления властью при выборах в риксдаг (ст. 112).

В отношении прав граждан конституция (ст. 16) декларировала (в соответствии со средневековой шведской традицией) неприкосновенность их жизни, чести, жилища и свободу вероисповеданий. Кроме того, особая статья (86) определяла свободу печати как право граждан публиковать свои произведения и нести ответственность за них по суду. Акт о свободе печати, принятый позже, включался в число основных законов государства (ст. 85).

Главным реакционно-феодальным элементом конституции была статья 114, утверждавшая незыблемость сословных привилегий. Их изменение или отмена допускались лишь с согласия короля и риксдага, в том числе с согласия самих заинтересованных сословий. Следует иметь в виду, что важнейшая из оставшихся в силе дворянских привилегий — более низкое государственное обложение фрельзовых земель (70% которых все еще принадлежали дворянам⁵¹) уже носила не личный, а вещный характер. После уступок дворянства на сессии риксдага 1809 г. доступ к владению всеми привилегированными землями был открыт и для крестьян.

В целом конституция 1809 г. представляла собой важный этап на пути превращения Швеции в буржуазную монархию. Ее ограниченность, половинчатость в смысле сохранения элементов сословности понятны, если учесть верхушечный характер происшедшей революции, гегемонию в ней либерального дворянства и заинтересованность таких податных сословий, как духовенство и бюргерство, в сохранении режима привилегий. Харак-

⁵¹ «Kring 1809», s. 173.

теризуя Швецию гораздо более позднего времени, Ф. Энгельс писал К. Марксу в 1846 г.: «Конечно, они (шведы. — А. К.) еще по уши увязли в цеховом болоте, а в риксдагах именно буржуа являются самыми закоренелыми консерваторами»⁵².

Скептические оценки конституции 1809 г., например как «одной из последних попыток спасения дворянской сословной монархии»⁵³, страдают известным антиисторизмом. Для своего времени конституция 1809 г. немногим уступала другим буржуазно-помещичьим конституциям Западной Европы⁵⁴. Конечно, четырехсословный риксдаг был архаичнее двухпалатных цензовых парламентов, типичных для первой половины XIX в. Но состав крестьянских избирателей и депутатов риксдага был все же демократичнее, чем палаты общин британского парламента до реформы 1832 г. Хотя высшее управление каждой из обеих стран фактически оставалось в руках дворян-помещиков, влияние последних в четырехсословном шведском риксдаге — где дворянство имело лишь один голос из четырех, т. е. столько же, сколько крестьянство — было слабее, чем в двухпалатном парламенте «раскрестьяненной» Англии. Это понимали и сами шведские крестьяне-парламентарии, когда с опаской и недоверием встречали дворянско-либеральные проекты реформы риксдага по британскому образцу⁵⁵.

Итак, 2 июня 1809 г. комитетский проект, получивший поддержку правительства, был внесен на рассмотрение каждого из сословий. Наибольшей критике, и притом слева, он подвергся в двух палатах — дворян и крестьян, — в первом случае по линии политической, во втором — по линии социальной. Молодое поколение дворянских депутатов считало недостаточным предложенное в проекте ограничение королевской власти. Крестьянские же депутаты, вслед за своими представителями в конституционном комитете (комиссии), протестовали против незыблемости сословных привилегий, выступали против самого упоминания и тем более гарантирования их в тексте конституции.

В известной мере дворянские и крестьянские критики проекта сдерживали друг друга. Первые, узнав о выступлении вторых против привилегированного статуса фрельзовых земель, не настаивали на своих замечаниях по проекту. Вслед за дворянским сословием проект одобрили в тот же день — 5 июня — священники и бюргеры, ограничившиеся мелкими замечаниями. Еще 2 июня дворянство, стремясь предупредить ожидавшиеся возражения крестьянства против статьи 114, по предложению Маннергейма рассталось с последней чисто сословной земельной привилегией — исключительным правом собственности на необлагаемые имения (сетерии). На время войны дворяне согласились на уменьшение налоговых льгот для фрельзовых земель в отношении государственной извозной повинности и постоя войск, на равную с остальными сословиями уплату чрезвычайного поземельного налога. Дворянство отныне готово было платить и подушный налог. Однако требование наиболее радикальной части крестьянских депутатов (за спиной которых стояли, очевидно, внесословные оппозиционные круги) о полной ликвидации сословных привилегий и равном обложении всех земель не было поддержано тремя остальными сословиями. Крестьянские депутаты, одобрив под сильным нажимом конституцию 5 июня, оговорили свое несогласие со статьей 114. 6 июня герцог Карл утвердил конституцию на пленарном заседании риксдага и

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 71.

⁵³ Примечание Я. Я. Зугиса к русскому изданию кн.: И. Андерссон. Указ. соч., стр. 311.

⁵⁴ O. Jussila. Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tulkintojen mukaan 1808—1863. Helsinki, 1969, s. 22.

⁵⁵ R. Karlbohm. Bakgrunden..., s. 313—314; ср. Г. Р. Левин. К. Маркс и Ф. Энгельс о парламентской реформе в Англии. — «Герпеновские чтения XXV. Исторические науки». Л., 1972, стр. 120—122.

тогда же был избран королем под именем Карла XIII. Но конституция не могла быть обнародована, поскольку председатель крестьянской палаты не желал ее подписывать впредь до решения вопроса о привилегиях. Дворянское сословие, отложив свои разногласия, грудью стало на защиту земельных привилегий, причем и «герои» революции (Г. Адлерспарре), и столпы либералов (А. Г. Мёрнер), и крайние густавианцы (граф Я. Делагарди) единодушно выступили против крестьянских требований. Важную роль в нажиме и запугивании крестьянских депутатов сыграл — в нарушение только что принятой конституции — новоиспеченный король. 27 июня, т. е. задним числом, текст конституции был подписан председателем крестьянской палаты. Крестьянские депутаты больше не настаивали на предварительном решении вопроса о привилегиях⁵⁶.

Если второй этап революции закончился в первой декаде мая, когда риксдаг взял на себя составление конституции и отложил избрание короля, то третий этап завершился принятием конституции в июне 1809 г. Однако шведская буржуазная революция, вопреки распространенному представлению, на этом еще не закончилась. Риксдаг продолжал свою работу до 2 мая 1810 г. — самый долгий парламент шведской истории XIX—XX вв. Наиболее влиятельными в риксдаге, особенно с конца 1809 г., были конституционалисты, ставшие после 6 июня по существу правительственной партией. Интриги роялистов-густавианцев и их тайного и неверного союзника, короля Карла XIII, в конечном счете провалились. Контрреволюционный переворот, намеченный на 13 марта 1810 г. и включавший замену конституции 6 июня октроированной полусамодержавной конституцией, не состоялся⁵⁷.

Весьма активно действовала в риксдаге и радикальная оппозиция, стоявшая левее либералов. Наиболее ярких представителей она имела в сословии дворян, но главную ее опору составляли сословия горожан и крестьян. Радикально-демократическая оппозиция наложила заметный отпечаток на законодательную деятельность шведского риксдага, на бурные дискуссии в нем⁵⁸.

9 июня временное правительство уступило место созданному согласно конституции государственному совету. Он был левее своего предшественника; густавианцы в нем не были представлены, зато вошли видные либералы — члены конституционного комитета. Бывший секретарь последнего Х. Ерта занял в правительстве пост статс-секретаря по делам торговли и финансов. В основном же правительство, как и все высшее руководство, состояло из профессиональных чиновников дворянского происхождения, представителей умеренно-консервативного «центра». Недружное и бесцветное, оно приспосабливалось к настроениям риксдага, его конституционалистского большинства. В свою очередь король, не определявший состав правительства, вынужден был идти у него на поводу⁵⁹.

Наряду с военными и внешнеполитическими задачами неотложным делом правительства и риксдага было избрание наследника престола: 60-летний король не имел детей. В соответствии с замыслом Адлерспарре наследником в июле 1809 г. был избран датский принц Кристиан Август. Но он к разочарованию шведских правящих кругов согласился принять высокий пост лишь по заключении мирного договора между Датско-Норвежским королевством и Швецией. Уния с Норвегией откладывалась надолго. Отныне престиж Адлерспарре несколько упал, а сам он со своим

⁵⁶ R. Karlbo m. Bakgrunden..., s. 301—309; J. Wibling. Op. cit., s. 82. S. Carlsson. Bonden i svensk historia, d. III, s. 238—251.

⁵⁷ Проект опубликован в «Historisk tidskrift», 1911, № 4, s. 272—292.

⁵⁸ S. Andgren. Konung och ständer 1809—1818. Lund, 1933, s. 42—43; R. Karlbo m. Bakgrunden..., s. 301, 304, 309.

⁵⁹ S. Claason. Op. cit., s. 123; S. Andgren. Op. cit., s. 54—58; R. Hedman. Massan vid det s. k. fersenska upploppet. — «Historisk tidskrift», 1969, № 1, s. 12.

западным корпусом отбыл на норвежский фронт, где, впрочем, по-прежнему царило затишье ⁶⁰.

Пока в сентябре 1809 г. — январе 1810 г. заключались мирные договоры (в том числе с Россией — самый тяжелый в истории Швеции), сессия риксдага рассматривала назревшие вопросы государственной жизни. Острые разногласия вызвало требование демократической оппозиции расследовать действия советников Густава IV. Те искусно защищались, за них вступились в риксдаге и густавианцы, и вожди либералов, против расследования было и само правительство. Дело кончилось тем, что риксдаг поручил правительству создать комиссию по расследованию лишь финансовой политики Густава IV. Впоследствии, на внеочередном риксдаге 1812 г. сословия взяли свою резолюцию обратно ⁶¹. Более решительно действовал риксдаг в таком ключевом вопросе, как финансовый. По этому вопросу весьма активно выступили радикалы, добившиеся ряда уступок от конституционалистов. Главная из них состояла в том, что, вопреки сопротивлению правительства и либеральных членов конституционного комитета риксдага — Сильверстоппе, Мёрнера, — составление нового бюджета было поручено бюджетной комиссии риксдага, а не правительству. Монархическая позиция либеральных вождей шла вразрез с ими же созданной конституцией и отражала их страх перед «анархией», заботу об экономических интересах верхушки шведского общества, их поправление после достигнутого в июне успеха ⁶². Финансовый вопрос особенно волновал население, задавленное военными тяготами и дороговизной. Следует подчеркнуть, что брожение в низах и страх верхов перед народной революцией были налицо не только в 1809, но также и в 1810, а отчасти и в 1811 г. с бурными выступлениями бедноты городской и сельской.

В июне 1809 г. радикальный депутат от Гётеборга купец Б. Сантессон внес предложение о введении единовременного прогрессивно-подоходного налога. Оно было задумано как возмещение крестьян за нерешенный вопрос о земельных привилегиях. Горячо одобренное горожанами и крестьянами, предложение получило поддержку конституционалистов и собрало большинство голосов в остальных палатах, хотя богатые дворяне-помещики и состоятельная верхушка духовенства встретили его в штыки. В начале 1810 г. проект оппозиции стал законом. Передовой для своего времени характер нового налога, взимавшегося в размере от 1% до 15% совокупного годового дохода, выражался и в том, что раскладка и сбор его поручались местным органам самоуправления, в том числе и заново для этого создаваемым. Подоходный налог 1810 г. подвергся наряду с другими передовыми начинаниями буржуазной революции резким нападкам реакционеров и был отвергнут верноподданническим риксдагом 1812 г. ⁶³ Как бы то ни было риксдаг 1809—1810 гг. выступал единовластным хозяином государственных финансов, и правительство в принципе не оспаривало его авторитет. Именно в финансовых делах проявились демократическая линия в работе риксдага и общая, не получившая, однако, в то время развития тенденция к утверждению парламентского верховенства в государственной жизни Швеции ⁶⁴.

На сессии риксдага был также обсужден широкий круг экономических вопросов. Была восстановлена свобода домашнего винокурения — мера

⁶⁰ S. Clason. Op. cit., s. 130; «Den svenska historien», d. 8. Stockholm, 1968, s. 26—27.

⁶¹ S. Clason. Op. cit., s. 142—143; S. Andgren. Op. cit., s. 44; J. Wibling. Op. cit., kap. IV—V.

⁶² S. Andgren. Op. cit., s. 58, 88; N. Nilsson-Stjernquist. Ständerna, statsregleringen och förvaltningen. Lund, 1946, s. 368—369, 401—402.

⁶³ S. Åkerman. The Swedish Experiment with Progressive Income Tax in 1810.—«Economy and History», vol. IX. Lund, 1966; е р о ж е. Skattereformen 1810. Västerås, 1967.

⁶⁴ S. Andgren. Op. cit., s. 116; N. Nilsson-Stjernquist. Op. cit., s. 364—368.

в тех условиях прогрессивная, упразднявшая казенную монополию и откупщиков-арендаторов, разрешена распродажа лесных и пастбищных угодий короны частным лицам. Риксдаг принял постановление и определил способ финансирования строительства Гётского канала, призванного связать кратчайшим водным путем восток и запад страны, что извлекло страну от тяжелых датских пошлин в Зундском проливе⁶⁵. На риксдаге впервые столь сплоченно и целеустремленно выступила оппозиция меркантилистской системе хозяйственного регулирования в целом. Мишенью для нападков стали привилегия горожан в сфере сельской торговли и цеховое принуждение в самих городах. Общественное мнение шло здесь впереди риксдага, в котором большинство депутатов-горожан цеплялось за свои сословные привилегии. Под нажимом дворян, пожертвовавших частью своих податных привилегий, горожане вынуждены были признать право всех шведов заниматься любым городским промыслом при условии несения бюргерских тягот и владеть недвижимостью не только в сельской местности, но и в городах. Таким образом, риксдаг, по мнению специалиста Х. Линдстрёма, «открыл новый этап в истории хозяйственной свободы Швеции»⁶⁶.

Большое значение имела парламентская и общественная дискуссия 1809—1810 гг. по вопросам комплектования и содержания шведской поселенной армии. Большинство публицистов выступало за отмену старой формы комплектования армии и смягчение крестьянских тягот по ее содержанию, за переход ко всеобщей воинской повинности. Но в риксдаге соответствующие предложения либералов-дворян натолкнулись на сопротивление буквально всех сословий, прежде всего самих же крестьян. Сказались антивоенные настроения, печальный опыт недавнего ополчения — ландвера, нежелание крестьянства быть приравненным к своим батракам, из которых комплектовалась поселенная армия. Принятое компромиссное предложение все же временно уравнивало разные категории земель в смысле раскладки военно-финансовых тягот и предусматривало возможность применения жеребьевки при наборе в армию дополнительных контингентов новобранцев. Тем самым был сделан первый шаг ко всеобщей воинской повинности, введенной почти столетие спустя⁶⁷.

Риксдаг принял и ряд других основных законов, предусмотренных конституцией 6 июня. Особый акт о риксдаге от 10 февраля 1810 г. не оправдал надежды передовых разночинно-внесословных кругов. Он ограничился второстепенными усовершенствованиями: упразднялось густавианское трехклассное деление рыцарской палаты, ущемлявшее низы дворянства; в состав крестьянской палаты допускались представители сельской интеллигенции, занимавшиеся земледелием; все сословия получили равный доступ в парламентские комиссии, а сами комиссии приобрели более четкую организацию⁶⁸. В них при известных условиях допускалось общее, а не посословное голосование. В соответствии с конституцией до следующего очередного риксдага было отложено рассмотрение проекта парламентской реформы, подготовленного либеральным конституционным комитетом (автор А. Г. Мёрнер).

9 марта 1810 г. был принят конституционный Акт о свободе печати. При его подготовке сказалось поправление либералов, их страх перед влиянием революционного печатного слова на массы. Акт сохранял административный контроль над прессой, вводились ограничения для

⁶⁵ S. Clason. Op. cit., s. 145.

⁶⁶ H. Lindström. Näringsfrihetens utveckling i Sverige 1809—1836. Göteborg. 1923. s. 114, 117, 123, 160; G. H afström. Den svenska fastighetsrättens historia. Lund. 1967. s. 132—133.

⁶⁷ A. Jansson. Försvarsfrågan i svensk politik från 1809 till Krimkriget. Uppsala. 1935. s. 260, 471—479, 501—502.

⁶⁸ S. Clason. Op. cit., s. 149; «Den svenska historien», d. 8, s. 22.

публикаций по вопросам внешней политики и религии. Шведская печать, отражавшая чаяния внесословных буржуазно-разночинных и даже отчасти плебейско-пролетарских слоев, в годы революции была настроена в целом левее конституционалистского большинства риксдага. Поэтому сразу же после издания Акта о свободе печати стали приниматься различные меры по его ограничению, не без участия самих вождей либерального направления⁶⁹.

В начале 1810 г. в Швецию прибыл новый наследник престола Карл Август (датское имя Кристиан Август), человек весьма заурядный. Он был, однако, чужд роялистских реставраторских планов, держался просто и быстро приобрел довольно широкую популярность. Левая и даже правительственная печать в своей антигуставианской и антироялистской пропаганде постоянно подчеркивала вражду аристократии к новому кронпринцу. Распространялись слухи, что знать готовит убийство Карла Августа. Внезапная смерть кронпринца 28 мая 1810 г. вызвала возмущение среди широких кругов населения Стокгольма и послужила толчком для яростной антиаристократической кампании. В канун похорон Карла Августа в Стокгольме столичная газета «Nya posten» поместила анонимную басню «Лисицы», где прозрачно намекала на отравление принца риксмаршалом графом Ферсеном и его сестрой и призывала к расправе с ними. Во время похорон 20 июня Ферсен был растерзан толпой, подвергся нападению особняк другого густавианца — Угласа. Войска сначала бездействовали — явно по приказу. Народ на время стал хозяином улицы. Раздавались призывы к нападению на королевский дворец и дома виднейших сановников, угрозы в адрес королевы, известной своим сочувствием густавианцам. Вражда к аристократии объединила рядовых чиновников, торговцев, ремесленников и рабочих⁷⁰.

Ферсен, в то время уже неугодный королю и подозреваемый правительством в подготовке густавианского заговора, был принесен в жертву. Действия масс в свою очередь побудили сплотиться буржуазно-помещичьи слои разных политических направлений — от умеренных роялистов до либералов. Заговорили о грозящем «якобинстве», о шведском 1789 годе, о необходимости сильного правительства. В столицу были срочно стянуты воинские части. При подавлении народных волнений 20 июня были убиты и смертельно ранены 17 человек — рабочих и подмастерьев. «Порядок» навел новый губернатор Стокгольма — видный участник переворота 13 марта А. Ф. Шёльдебранд⁷¹.

Таким образом, революционная ситуация достигла своей вершины слишком поздно — больше года спустя после переворота. Предпосылки народной революции оказались непрочными. В столице верхушка горожан была заодно с правительством. Средние слои и плебейско-пролетарские массы Стокгольма не были организованы — клубы имелись у конституционалистов и густавианцев, т. е. преимущественно у дворян. Брожение в провинции не пошло дальше угроз по адресу перепуганной и малочисленной знати. Помещичьи крестьяне-держатели составляли лишь меньшинство крестьянства. Последнее при всей своей оппозиционности не было революционным классом. На это с облегчением указывал либерал граф А. Мёрнер в письме от июля 1810 г.: шведские крестьяне в противоположность французским перед революцией в большей своей части владеют землей и часто состоятельны; они «сознают нужду в защите закона и святость права собственности». Развязыванию народной революции

⁶⁹ J. Wibling. Op. cit., kap. I; E. Nyman. Indragningsmakt och tryckerifrihet 1785—1810. Stockholm, 1963, s. 262, 287—288, 290; R. Hedman. Svenska tidningar 1809—1812.—«Historisk tidskrift», 1964, № 1.

⁷⁰ J. Wibling. Op. cit., kap. VII—X.; O. Gasslander. Op. cit.

⁷¹ C. A. Adlersparre. 1809 och 1810. Tidsfäflor, d. 2. Stockholm, 1850, s. 166—187; B. von Schinkel, C. W. Bergman. Minnen ur Sveriges nyare historia, d. 5. Stockholm, 1854, s. 229—245; S. Andgren. Op. cit., s. 120—121.

мешает, замечал далее Мёрнер, и отсутствие в стране крупных городов, кроме Стокгольма ⁷².

«Ферсенскими» волнениями закончился самый долгий и сравнительно наиболее демократический четвертый этап революции (июль 1809 — июнь 1810). Он характеризовался успешной борьбой правительства и его сторонников-конституционалистов в риксдаге на два фронта — против феодально-аристократической контрреволюции и демократической революции.

Внеочередное заседание риксдага — для повторного избрания наследника — решено было провести в провинциальном городе Эребру. Новый риксдаг, открывшийся 30 июля 1810 г., прошел в обстановке сравнительного сплочения и единодушия. Густавианцы, деморализованные и напуганные судьбой Ферсена, на нем молчали. Удручены были и либералы, частью разочарованные в торжестве собственных идеалов. Депутаты старались не обсуждать острых вопросов, оставленных предыдущей сессией. Но хозяином в стране по-прежнему оставался риксдаг. Именно здесь был решен вопрос о новом кронпринце. После ряда сложных политических маневров и интриг выбор пал на маршала Франции Ж. Б. Бернадота, князя Понтекорво ⁷³. 21 августа он был единодушно избран риксдагом в наследники. Успех кандидатуры наполеоновского маршала у шведских конституционалистов, сильнее прежнего задававших тон на риксдаге, объяснялся тем, что в нем видели сильную личность, способную укротить революцию. Крылатыми стали слова либерала Ерты в канун избрания: «Меня пленяет убеждение, что при нем больше, чем при ком-либо, господа лейтенанты останутся лейтенантами» ⁷⁴. Вспомним, что рядовые офицеры-дворяне составляли авангард радикальной оппозиции в риксдаге.

Риксдаг в Эребру стал эпилогом шведской революции. 2 ноября Бернадот торжественно въехал в Стокгольм и под именем Карла Юхана был усыновлен королем. Вследствие тяжелой болезни последнего кронпринц уже 17 марта 1811 г. в нарушение конституции стал регентом, и лишь Ерта в знак протеста вышел тогда из правительства. Присматриваясь к новой стране и среде, предпочитая роль надпартийного посредника и миротворца, проводя показную политику национального сплочения, Бернадот исподволь повел консервативный курс на возрождение сильной королевской власти. Густавианцы вскоре пришли от него в восторг, а либералы и тем более радикалы поняли свой просчет ⁷⁵. Главной опорой и ближайшим окружением нового регента стали умеренные роялисты, а также наиболее гибкие из числа либералов — Веттерстедт, Мёрнер. В канун внеочередного риксдага 1812 г. Хоконсон с друзьями составил для Карла Юхана проект новой шведской конституции, более консервативной, чем хоконсоновский проект 1809 г. ⁷⁶ На самом риксдаге кронпринцу удалось без особого противодействия депутатов и без нарушения буквы конституции изменить соотношение сил между короной и риксдагом в пользу первой. Риксдаг 1812 г. был в этом смысле прямо противоположен риксдагу 1809—1810 гг. Там хозяином положения были сословия, здесь — кронпринц. Это особенно ясно видно по решению финансовых вопросов ⁷⁷.

Уже летом 1811 г. Карл Юхан оправдал доверие дворянства, жестоко подавив антирекрутские волнения крестьянской бедноты в Сконе ⁷⁸. Начавшаяся позже война помогла Карлу Юхану надолго занять положе-

⁷² J. Wibling. Op. cit., s. 265.

⁷³ На русском языке самой подробной его биографией (до 1818 г.) остается статья К. Маркса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 161—171.

⁷⁴ «Den svenska historien», d. 8, s. 35; см. также S. Andgren. Op. cit., s. 118—133.

⁷⁵ J. Wibling. Op. cit., s. 299—307; S. Andgren. Op. cit., kap. IV.

⁷⁶ Проект опубликован в кн.: S. Andgren. Op. cit., s. 303—346.

⁷⁷ S. Andgren. Op. cit., kap. VI.

⁷⁸ A. Kämppe. Svenska allmogens frihetsstrider, d. III. Stockholm, 1920, kap. 2. O. Bjurling. Op. cit., s. 28—32.

ние своего рода военного диктатора. Однако конституция 1809 г. устояла в годы реакции, о восстановлении дворянских привилегий нечего было и думать. Полицейский режим Бернадота был направлен против густавианской (уже мнимой) опасности не менее, чем против демократов. Словом, то была бонапартистская контрреволюция в миниатюре, а не феодально-абсолютистская реставрация. Контрреволюция в Швеции стоила гораздо больше крови, чем революция, но, как и она, была половинчатой.

Таким образом, в Швеции 1809—1810 гг. имели место: успешный военный мятеж, государственный переворот, составление и принятие парламентом принципиально новой для страны конституции, народные выступления, подавленные силой оружия, наконец, многозначительная сама по себе смена династий. В итоге всех этих событий в Швеции была установлена классическая конституционная монархия дуалистического типа, утвержден ряд буржуазных свобод, упразднены последние существенные привилегии дворянства, кроме его невыборного представительства в риксдаге. Все эти события в совокупности и составляли буржуазную революцию 1809—1810 гг., ставшую в Швеции важнейшим рубежом не только политической, но и духовной жизни.

При оценке шведской буржуазной революции должны учитываться и ее коренные упущения. Политически слабая буржуазия еще не добивалась здесь власти для себя. Вопрос о власти в ходе революции был решен в пользу дворян—помещиков и высших чиновников, — которые теперь, однако, правили под контролем парламента, т. е. имущих слоев шведского общества. Сохранились уже не самодержавная, но все еще очень сильная (особенно в сфере внешней политики) власть короля и старозаветный четырехсословный риксдаг, а также некоторые сословные привилегии и цеховые ограничения. Внесословная разночинная буржуазия и все слои пролетариата по-прежнему были лишены политических прав. Все это свидетельствовало о верхушечном характере шведской революции.

При всем своем своеобразии Швеция, как и другие скандинавские страны, отнюдь не нарушала единства всемирно-исторического процесса, но проходила его ступени по-своему, являя значительные региональные и национальные особенности. Малая страна, захолустье Западной Европы, Швеция и революцию переживала малую, провинциальную⁷⁹. Неброские завоевания шведской революции оказались довольно устойчивыми: наряду с Британскими островами Скандинавский полуостров стал тем районом Европы, где феодально-клерикальная реставрация после 1815 г. была всего слабее. Отныне приход шведской буржуазии к власти совершался, как и английской после революций XVII в., путем одних лишь реформ.

Революция в Швеции примечательна, наконец, и тем, что открыла собой долгий ряд армейских буржуазных и национально-демократических революций XIX—XX вв.; низложенный ею король Густав IV Адольф — в частной жизни известный как полковник Густавсон — впоследствии даже считал ее прообразом и сигналом для многих других военных революций в Неаполе, Пьемонте, Испании и прочих государствах⁸⁰. Как бы то ни было, утверждения, что Швеция вообще миновала буржуазную революцию, основаны либо на неосведомленности, либо на предвзятой идейно-политической позиции (шведские и русские дореволюционные историки консервативного толка, в последние годы отдельные ультралевые публицисты в Швеции). Уместно напомнить в этой связи мысль В. И. Ленина: «Всякий политический переворот, если это не смена клика, есть социальная революция, — вопрос только в том, социальная революция *какого класса*»⁸¹. То, что революция была выполнена офицерами и чиновниками, даже помещиками, не меняет ее буржуазной сущности.

⁷⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 422 (о Дании 1848 г.).

⁸⁰ Oberst Gustavsson. Der dreizehnte März oder die wichtigsten Tatsachen der Revolution von 1809. Hamburg, 1835, s. 2—3.

⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 120.